

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 305–311

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 305–311

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

Научная статья
УДК 821.161.1.09(470-25)|18|+929

У истоков общественно-литературного движения начала XIX в.: Дружеское литературное общество

С. В. Лёвин

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Россия, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ¹профессор кафедры отечественной истории и историографии, ²профессор кафедры истории, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, AuthorID: 786851

Аннотация. Первая четверть XIX в. – период возникновения различных литературных салонов, оказавших большое влияние на духовную жизнь российского общества. В них оттачивали своё мастерство известные поэты, прозаики, переводчики и журналисты. В статье рассматривается Дружеское литературное общество, сложившееся в Москве в январе 1801 г. Автор приходит к выводу, что его можно считать прообразом будущих литературных салонов. Оно не переросло рамки дружеского кружка, но обсуждаемые его участниками вопросы не утратили своей актуальности и в последующие десятилетия.

Ключевые слова: дружба, литература, общественно-политические взгляды, сентиментализм, собрания, участники

Для цитирования: Лёвин С. В. У истоков общественно-литературного движения начала XIX в.: Дружеское литературное общество // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

At the origins of the social and literary movement of the early XIX century: The Friendly Literary Society

S. V. Lyovin

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Baumanskaya St., Moscow 105005, Russia

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, AuthorID: 786851

Abstract. The first quarter of the XIX century is the period of the emergence of various literary salons which had a great influence on the spiritual life of Russian society. Famous poets, prose writers, translators and journalists honed their skills there. The paper considers the Friendly Literary Society which formed in Moscow in January 1801. The author comes to the conclusion that it can be considered a prototype of future literary salons. The Society did not outgrow the framework of a friendly circle, but the issues discussed by its participants did not lose their relevance in subsequent decades.

Keywords: friendship, literature, socio-political views, sentimentalism, gatherings, participants, disputes

For citation: Lyovin S. V. At the origins of the social and literary movement of the early XIX century: The Friendly Literary Society. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 305–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале XIX в. заметным явлением в духовной жизни российского общества стали литературные салоны, кружки, общества, в которых обсуждались не только литературные, но и общественно-политические вопросы. Они оказали значительное влияние на духовную жизнь в стране в целом и на становление и развитие различ-

ных литературных жанров в частности. Одним из таких кружков стало Дружеское литературное общество. Оно просуществовало менее года, но оставил свой след в истории отечественной литературы и общественной мысли, вызвав интерес у дореволюционных, советских историков и литературоведов. Первыми к его истории об-

ратились В. М. Истрин и А. А. Фомин [1–3]. Они пришли к выводу, что Общество рассматривалось его участниками не иначе как приятное времяпрепровождение в дружеском кругу. Такой же точки зрения придерживался и советский исследователь В. Н. Орлов [4]. Напротив, Ю. М. Лотман считал, что Дружеское литературное общество способствовало складыванию литературных интересов его членов, формированию их идейно-нравственных установок и общественно-политических взглядов [5]. С мнением Ю. М. Лотмана согласна А. И. Баженова, видевшая в этом кружке «литературную мастерскую», в которой происходило становление будущих поэтов и прозаиков [6]. Е. Э. Спикаина акцентировала своё внимание на разборе членами Общества произведений зарубежной и отечественной литературы и пришла к выводу, что его можно считать своего рода критико-литературным объединением, поскольку участники Дружеского литературного общества подвергали критическому анализу литературные новинки, выходившие из печати в России и за рубежом [7]. Данный вывод представляется несколько односторонним: содержание «законов» Общества, речей его членов говорит о более широкой литературно-общественной палитре их интересов.

Как видим, актуальность обозначенной темы исследования очевидна. Она продолжает оставаться дискуссионной и востребованной для дальнейшего изучения.

В статье предпринята попытка определить, что же всё-таки являлось приоритетным для молодых людей, образовавших на заре XIX в. первый литературный салон. В этом и состоит новизна проведённого исследования, поскольку в таком ракурсе обозначенная проблема не изучалась.

Инициаторами учреждения Общества были А. Ф. Мерзляков и Андрей Тургенев. Его задача в уставе определена так: «Очищать вкус, развивать и определять понятие обо всём, что изящно, что превосходно – вот достойный предмет наших упражнений!» [8, с. 1]. Андрей Тургенев заявлял, что главное «предназначение» – «возжигать сердца» участников Дружеского литературного общества «священным патриотизмом в сии священные минуты» [9, л. 4 об.].

Общество имело своего президента, секретаря и казначея, выбиравшихся из числа его участников большинством голосов на разные сроки. В обязанности президента входило следить за соблюдением законов общества всеми его членами, порядка заседаний, документацией, подготавливаемой секретарём. Он вёл всю документацию. Казначей отвечал за финансы общества, контролировал покупку книг для него. Интересными и не совсем понятными представляются пункты XLIV, XLV и XLVI, в которых речь идёт, по сути, о своего рода фонде для маломощных и полномочиях казначея распоряжаться

им по своему усмотрению. Так, пункт XLIV гласит: «Деньги, которые члены или кто-нибудь посторонний будут вносить в общество для бедных, должны храниться у казначея особо от первой суммы [деньги на покупку книг, бумаги, чернил, перьев, переплётного материала. – С. Л.], и он должен представлять членам всякие три месяца приход и расход этой суммы» [8, с. 9]. В следующем пункте прямо указывается, что казначей по своему усмотрению может «подавать из этой суммы помочь бедным, наблюдая при том, чтобы всегда оставались у него в запасе деньги для других несчастных» [8, с. 9]. Если под «бедными» и «несчастными» подразумевались не члены общества, ибо назвать кого-то из них бедным весьма затруднительно, то можно предположить, что Дружеское литературное общество мыслилось его учредителями не только как литературное объединение, но и как своего рода благотворительная организация для молодых начинающих литераторов. Однако эта предполагаемая функция Общества никогда не была задействована, поскольку оно не вышло за рамки численно небольшого кружка. Н. В. Сушков отметил схожесть законов Дружеского литературного общества с уставом собрания воспитанников университетского Благородного пансиона [10, с. 37–42]. С ним согласился В. М. Истрин, указавший, что они «во многом позаимствованы из устава собрания воспитанников университетского Благородного пансиона» [1, с. 306]. Сравнение текстов двух документов позволяет принять их вывод.

Итак, членами Дружеского литературного общества стали: Андрей и Александр Тургеневы, Андрей, Михаил и Пётр Кайсаровы, А. Ф. Мерзляков, В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, С. Е. Родзянко, А. П. Офросимов. Из них Пётр Кайсаров и А. П. Офросимов участия в его деятельности практически не принимали, посетив одно или два его собрания. Ю. М. Лотман «ведущими членами» Общества называет Андрея и Александра Тургеневых, А. Ф. Мерзлякова, А. С. Кайсарова и С. Е. Родзянко [11, с. 27]. Возрастной состав участников весьма молодой; самому старшему на момент образования общества – А. Ф. Мерзлякову – исполнилось 22 года.

Собрания проходили в доме А. Ф. Воейкова на Девичьем поле (в Поддевичьем переулке) по средам во второй половине дня. Вот как описал их в своих воспоминаниях поэт и переводчик М. А. Дмитриев: «Это общество собиралось один раз в неделю по средам. Там читались сочинения и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостью и вежливостию. Там очередной оратор читал речь, по большей части о предметах нравственности. Там в каждом заседании один из членов предлагал, на разрешение других, вопрос из нравственной философии, или из литературы, который обсуждался членами

в скромных, но иногда жарких прениях. Там читали вслух произведения известных уже русских поэтов и разбирали их по правилам здравой критики: это предоставлено было уже не членам, а сотрудникам, отчасти как испытание их взгляда на литературу. Наконец, законами общества постановлено было, между прочим, *дружество* [выделено в тексте курсивом. – С. Л.] между членами и ненарушимая скромность, к которой приучались молодые люди хранением тайны: тайна же эта состояла в том, что происходило в обществе и не разглашать мнений членов о читанных там произведениях воспитанников» [12, с. 180].

Литературные взгляды, интересы участников Дружеского литературного общества складывались под влиянием немецкой литературы. Особенной популярностью пользовались произведения Ф. Шиллера, И. В. Гёте. «Песня к радости» Ф. Шиллера стала, по утверждению А. Л. Зорина, «своего рода гимном Дружеского литературного общества, паролем, по которому его участники узнавали друг друга» [13, с. 13]. Много лет спустя увлечённость участников общества немецкой литературой подтвердил Ал. И. Тургенев. «Несколько молодых людей, большей частию университетских воспитанников, – вспоминал он, – получали почти всё, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические произведения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Вильандта, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашний немецкий театр был переведён ими; многое принято было на театре московском» [14, с. 118]. Главным почитателем немецкой литературы, её ярым пропагандистом был Андрей Тургенев. Впрочем, участники Общества не ограничивались лишь одними немецкими прозаиками и поэтами; они обращались и к французской, и к английской и, конечно, к отечественной литературе. Большое внимание уделялось творчеству Н. М. Карамзина, представлявшего господствовавшее направление сентиментализма в русской литературе на рубеже XVIII–XIX вв. Отношение к его творчеству у участников Общества было неоднозначным: от первоначального всеобщего восхищения до критики. Если весной 1799 г. Андрей Тургенев восторгался «Песнью божеству», «К Милости» Н. М. Карамзина, то уже осенью того же года противопоставляет ему Ф. Шиллер, а в марте 1801 г. на одном из собраний Дружеского литературного общества в своей речи «О русской литературе» критикует Н. М. Карамзина за его «прекрасный слог». Н. М. Карамзин, считал он, «виноват» перед русской литературой тем, что «явился преждевременно», когда «общий ход просвещения» не ушёл ещё далеко вперёд. Андрей Тургенев упрекал главу сентиментализма за то, что он «слишком склонил нас к мягкости и разнеженности». Ещё «вреден» Н. М. Карамзин, в его представлении тем,

«что пишет в своём роде прекрасно...», тщательно вырисовывая различные второстепенные сюжеты. «Пусть бы русские, – воскликнул он, – продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы официально важнее, не столько применяясь к мелочным родам...» [9, л. 45].

Нельзя не заметить, что критика творчества Н. М. Карамзина весьма своеобразна; сам критик, как бы колеблется, – критиковать или нет? В мягкой форме или резко? В начале своей речи Андрей Тургенев, обращаясь к собравшимся, прямо заявил: «Позвольте напомнить вам любезные друзья, что я предлагаю здесь одни сомнения и догадки» [9, л. 46 об.]. Критикуя Н. М. Карамзина, он сделал важную оговорку: «Должно, однако ж сказать, что и сейчас последний [Н. М. Карамзин. – С. Л.] вместо вреда (который впрочем, существует, может быть только в моём воображении) принёс бы величайшую пользу, если бы в эту самую минуту, как он явился на сцену, не устремилась за ним толпа безрассудных подражателей» [9, л. 46 об.]. По мнению А. А. Фомина, эту речь можно рассматривать как исходный постулат «истинного реализма и народности» в отечественной литературе, причём, явно опередивший своё время [3, с. 25]. Андрей Тургенев недоумевал и возмущался, почему Н. М. Карамзин отказывался от обсуждения в своих произведениях «важных предметов», и ориентировал своих последователей на «безделки». Это, как считал Г. П. Макогоненко, «уводило литературу в сторону от больших гражданских тем» [15, с. 17]. В. Э. Вацуро полагал, что данная речь – не столько негативная оценка литературного творчества Н. М. Карамзина, сколько «претензия» к нему как идеологу господствовавшего в русской литературе сентиментализма, «к главе школы», избегающему «серёзных» мировоззренческих вопросов [16, с. 24]. Писатель, обладая несомненным литературным талантом, обходит стороной актуальные проблемы социальной жизни российского общества. В этом русле за ним следуют и его почитатели, стремящиеся подражать своему кумиру.

Из-за понимания дружбы Н. М. Карамзиным разгорелся спор между В. А. Жуковским и А. Ф. Мерзляковым. Выступая на собрании Общества 24 февраля 1801 г. В. А. Жуковский вслед за Н. М. Карамзиным отказывался признать дружбой союз, не основанный на «бескорыстном самопожертвовании» [9, л. 49]. А. Ф. Мерзляков противопоставил этому утверждению pragmatische понятие дружбы – «польза», приведя в пример Дружеское литературное общество: «Польза, друзья мои, то существо, которое соединило нас здесь. <...> Надобно раскрывать пользу, которую всякий из нас надеется получить от собрания», – говорил он [9, л. 53–53 об.].

Весной 1801 г. против Н. М. Карамзина выступил А. С. Кайсаров, составивший остроумную

пародию на его свадьбу. Реальное событие – бракосочетание Н. М. Карамзина – он изобразил в карикатурном свете, составив компиляцию из его различных произведений. М. Ф. Де-Пуле, первым опубликовавший сатирическое произведение А. С. Кайсарова, считал его не более чем благодушной шуткой: «Эта сатира-пародия отнюдь не может служить доказательством враждебного настроения к Карамзину молодого поколения тогдашних литераторов. Были насмешки, полемики, но ожесточённой вражды не было» [17, с. 570]. ««Описание», очевидно, есть ни что иное как забавная шутка–пародия», – писал А. Д. Галахов [18, с. 180]. Такой же точки зрения придерживался А. А. Морозов: «Перифразтический стиль Карамзина не отвечал быстро возраставшим требованиям общественной жизни. Процесс разложения карамзинизма и сентиментализма шёл быстро. Уже в 1801 г. из среды Дружеского литературного общества выходит «Описание бракосочетания г-на К[арамзина]», написанное Андреем Кайсаровым. В этом сочинении дружественная шутливость незаметно переходит в откровенную пародию на условно-сентиментальный стиль» [19, с. 35]. На то, что произведение не носило характера серьёзной критики, указывал и Ю. М. Лотман [20, с. 20]. Напротив, по мнению А. А. Фомина, сатира А. С. Кайсарова «остроумная, весьма дерзкая для своего времени выходка вполне определённого характера». «И как, в общем, ни деликатна эта дружеская сатирическая выходка, всё ж в ней нам, отделённым от событий целым столетием чувствуется нечто более серьёзное, чем шутка», – считал он [3, с. 34–35]. С мнением А. А. Фомина согласен и В. Э. Вацуро: ««Описание бракосочетания г. К[арамзина]», не есть антикарамзинистский памфlet в собственном смысле слова; ирония в нём направлена на личную, интимную биографию главы сентиментализма, но интимная жизнь пародистом идеологизируется – она предстаёт как утверждение мировоззренческой программы» [16, с. 36]. Логично предположить определённую эволюцию поэтических взглядов А. С. Кайсарова, произошедшую, вероятнее всего, под влиянием Андрея Тургенева, на литературное творчество Н. М. Карамзина.

Ещё одной темой, характерной для нравственных исканий членов Дружеского литературного общества, являлась тема «утраты юности», личного одиночества, усталости от жизни. А. Ф. Мерзляков ещё в 1798 г., как бы предвосхищая эту тему, писал:

«Жизнь твоя – кипящее море:
Ты один, средь волн.
Предаёшь пустыне чёлн...» [21, с. 138].

По мнению В. Э. Вацуро, эти стихи А. Ф. Мерзлякова «интересны тем, что в них уже намечены будущие центральные лирические темы и образы стихов Жуковского, причём, именно

“шиллеровских” стихов: расставание с мечтой, аллегория жизненного челна в бурном море...» [16, с. 84]. Андрей Тургенев в 1802 г. написал элегию под характерным названием «И в двадцать я уж лет довольно испытал!», пронизанную ностальгически-пессимистическими мотивами [22]. Минорные нотки звучат и в романе А. С. Кайсарова «Моя надежда» [23]. Думается, пессимизм в стихах участников «Дружеского литературного общества», развился в русле сентиментализма, что вообще было характерно для литературно-общественной жизни России начала XIX в.

Литературная направленность не всегда выдерживалась в выступлениях (речах) членов Общества. А. Ф. Войков выступил с речами на общественно-политическую и историческую тематику, М. С. Кайсаров затронул философские аспекты общественной жизни, С. Е. Родзянка – религиозные, Андрей Тургенев и А. Ф. Мерзляков подняли в своих речах тему любви к Отечеству, В. А. Жуковский говорил о нравственности и морали, А. С. Кайсаров высказал свой взгляд на вопросы воспитания и формирования в человеке чувства прекрасного. Как видим, наряду с литературными темами на обсуждение выносились разнообразные вопросы, волновавшие участников Общества. Андрей Тургенев, призывавший друзей сосредоточиться на сугубо литературных вопросах, с явным неудовольствием отмечал это: «Отчего, говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собирались здесь, для того чтобы разбирать права человека? Все сие, как мы видели уже из опытов, бывает только источником неудовольствий» [9, л. 15–15 об.]. Правда, каких неудовольствий и из каких опытов он не уточнял. Следует заметить, что общественно-политические вопросы волновали и его самого, в чём он не хотел признаваться. Ещё в октябре 1800 г. он обратился в своём дневнике к российским дворянам с предостережением: «Россия, Россия, дражайшее моё отчество, слезами кровавыми оплакиваю тебя: тридцать миллионов по тебе рыдают! <...>. Но если этот бесчисленный угнетенный народ, над которым вы так дерзко, так бесстыдно, так бесчеловечно ругаетесь, если он будет действовать так, как он мыслит и чувствует, вы – ты и бесчеловечная, сладострастная жена твоя – вы будете первыми жертвами! Вы бы могли облегчить его участь, и это бы ничего вам не стоило!» [24, л. 73 об.–74].

Идейные разногласия привели к выделению в Дружеском литературном обществе двух своего рода групп. Как отметил Ю. М. Лотман, оно отнюдь «не было дружеским» [5, с. 71]. Одна группа объединяла Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Войкова и А. Ф. Мерзлякова. Они видели в литературе средство пропаганды гражданских, морально-этических норм и патриотических идей. «Разве нравственность и патриотизм не составляют также предмета наших

упражнений?» – недоумевал А. Ф. Мерзляков, обращаясь к своим товарищам [9, л. 37 об.]. Вторую группу составили Александр Тургенев, В. А. Жуковский, М. С. Кайсаров и С. Е. Родзянка, акцентировавшие своё внимание на отвлечённых поэтических темах и идеалистических взглядах на окружающую действительность. Первым раскол общества на два полярных лагеря заметил проницательный Андрей Тургенев. «С сердечным сожалением вижу я, – отмечал он на собрании 16 февраля, – что мы разделены, так сказать, на две части, и та и другая порознь в короткой связи между собой, между тем как некоторые из нас недовольно ещё между собой сближены» [9, л. 20 об.].

Думается, говорить о серьёзном идеином размежевании участников Общества не стоит; все их споры проходили в русле личных представлений об окружающем мире, литературе и её предназначении, о саморазвитии, достижении высоких интеллектуально-нравственных критериев и т. п. Нельзя не согласиться с выводом М. В. Калашникова, что «идея нравственно-гого самосовершенствования» и «представления о внутренней свободе человеческой личности» являлись важнейшими направлениями в «мировоззрении членов Дружеского литературного общества» [25, с. 7]. Безусловно, каждому из его участников в той или иной мере удалось достичь определённого потенциала нравственного саморазвития и самосовершенствования, расширить свой кругозор, повысить общий культурный уровень, в силу чего в рамках небольшого кружка им попросту стало тесно, они, фигурально выражаясь, переросли его размеры.

После отъезда в Петербург по делам службы Андрея Тургенева, явившегося связующим и скрепляющим звеном в Обществе, оно в ноябре 1801 г. распалось.

Сами участники Дружеского литературного общества довольно равнодушно восприняли это. Только Андрей Тургенев, как один из его основателей, больше всех переживал его распад. З февраля 1802 г. он с плохо скрываемым раздражением и грустью писал В. А. Жуковскому: «Все видно, отстраняются, брат, от собрания. Теперь и Кайсаров против, и все, и ты, кроме меня. Все теперь против него поднимаются. <...>. Слыши, что Мерзляков не даёт пись своих и что заводится другое собрание. Я, однако ж, очень этому рад. Хоть бы что-нибудь было, что бы меня заставило что-нибудь делать. Я теперь очень, очень огорчён словами Кайсаровых, которые начинают уже ругать собрание. Как они меня не любят, как я не люблю их и не должен быть им за многое очень благодарен, но все бы мне лучше быть одному. Теперь ничего не желаю столько, как единения. Всё разрушается» [26, л. 106].

Странным представляется заявление автора письма о взаимной нелюбви его и братьев Кайсаровых. Видимо, он рассчитывал, что его друг бу-

дет отстаивать существование общества, но безразличие А. С. Кайсарова по этому вопросу произвело на него гнетущее впечатление. Очевидно, данное письмо Андрей Тургенев написал в негативно-эмоциональном порыве. Следует признать справедливым замечание В. М. Истриной, о том, что «общество не пользовалось большим вниманием его сочленов» [1, с. 279–280]. Оно было дорого Андрею Тургеневу и А. Ф. Мерзлякову как их, образно говоря, детище, у истоков которого они и стояли, а В. А. Жуковскому – как атмосфера, в которой формировался его поэтический талант, раскрывались литературные дарования и способности. Что же касается остальных участников, то для них оно представляло ценность как напоминание об их юности, совместном весёлом и приятном времяпрепровождении, жизненных планах, мечтах, спорах, юношеском максимализме, бывшем ключом. Так или иначе, но о собраниях Общества все его участники вспоминали с теплотой и ностальгией. Андрей Тургенев первым положил начало этим воспоминаниям. Сразу же после своего отъезда из Москвы он с грустью писал В. А. Жуковскому и А. Ф. Мерзлякову: «Вспомните этот холодный ещё, сумрачный апрельский день и нас в развалившемся доме, окружённом садом и прудами. Вспомните гимн Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя, и если хотите речь мою: шампанское, которое вдвое нас оживило; торжественный весёлый ужин, соединение радостных сердец; вспомните – и вы никогда позабыть этого не захотите...» [26 л. 106 об.]. А. Ф. Мерзляков ответил ему стихами в сентябре 1802 г.:

«Где, где часы сии прекрасны,
Когда мы в кочках под шатром
В сентябрьски вечера ненастны
С любезной трубкой и вином
Родные песенки певали» [27, с. 229–230].

В. А. Жуковский в своей элегии «Вечер» также с тоской упоминает «Дружеское литературное общество» [28, с. 76–77].

В 1815 г. А. Ф. Мерзляков в своей аналитической статье, посвящённой поэме М. М. Хераскова «Россияда», ностальгировал: «Где ты, драгоценное время! Где вы, друзья моей юности? Они рассеяны по разным местам и путям службы! Но утешимся в разлуке с ними! Они не изменили своим обетам; они помнят, помнят дружественную нашу школу, наши правила и цель: она сияет в их поступках и в их сочинениях, приобретших уже лестное благоволение публики. Я хочу быть верен этим правилам; я вспоминаю всё то, чем занимались мы тогда...» [29, с. 50–51]. Тёплые воспоминания об Обществе позволяют говорить о том, что литературно-мировоззренческая борьба, которая в нём велась, ещё не достигла того уровня, при котором теоретические споры приводят к разрыву личных отношений.

Некоторые исследователи преувеличивают влияние этого литературного кружка на формирование литературно-общественных взглядов его участников. М. И. Гилльельсон указывал, что он оказал «существенное влияние на становление личности Александра Ивановича Тургенева» [30, с. 443]. Ф. В. Дзядко выводит из него буквально весь спектр взглядов А. Ф. Мерзлякова на литературу и литературные объединения, утверждая, что он «переносит принципы, заложенные в Дружеском литературном обществе, на более поздние объединения, участником которых он был, описывая их как инструменты создания “огромного колосса государства”» [31, с. 16]. «В Дружеском литературном обществе складывался поэтический мир Жуковского...», — писал Р. Ю. Данилевский [32, с. 352]. По мнению А. И. Бажановой, Е. Э. Спикиной и Т. В. Фрайман, именно в период Дружеского литературного общества начинает оформляться едва ли не «идеал жизненной организации» В. А. Жуковского [6, с. 116; 7, с. 203–204; 33, с. 170]. Думается, в данный вопрос следует внести корректировку. Дружеское литературное общество сыграло определённую, но отнюдь не ключевую роль в развитии его мировоззренческих и литературных взглядов. В. А. Жуковский развивал и совершенствовал своё поэтическое дарование в литературном Арзамасе — «одной из интереснейших общественно-литературных организаций начала XIX столетия, объединявшей в своих рядах всю передовую фалангу русской литературы (Батюшков, Жуковский, Пушкин, Вяземский, Д. Давыдов и др.) с деяниями будущих тайных организаций декабристов (Николай Тургенев, Михаил Орлов, Никита Муравьёв)» [34, с. 21]. Что же касается А. Ф. Мерзлякова, то его взорвания на русскую и зарубежную литературу начали складываться ещё до участия в Обществе, которое он рассматривал, как, образно говоря, экспериментальную площадку, на которой опробовал свои поэтические опыты.

Короткий период существования Дружеского литературного общества дал повод В. Н. Орлову назвать его «весёма худосочным и нежизненным кружком молодых писателей, возросших в лоне карамзинизма», не оказавшим сколь-нибудь существенного воздействия на литературно-общественное движение того времени [4, с. 88]. Напротив, М. К. Азадовский заявлял, что «несмотря на своё кратковременное существование, “Общество” оставило значительный и плодотворный след в русской литературе и в русской науке (*sic!*), и в нём, как в фокусе, отобразились важнейшие черты эпохи на переломе двух веков» [35, с. 129]. Е. В. Кунц пишет о его «заметной роли» не только в русской литературе, но и в «общественной жизни страны» первой четверти XIX в. [36, с. 6].

Соглашаясь с последней частью вывода М. К. Азадовского следует всё же констатировать

следующее: Дружеское литературное общество не оказалось значительного влияния на общественно-литературное движение в России начала XIX в. Собственно, оно и не могло сделать этого по двум причинам: скоротечности своего существования и численно незначительного состава участников. Причём последний аспект даже зафиксирован в уставе: «Общество будет состоять из малого числа членов, дружеством соединённых» [8, с. 2]. Это определение наводит на мысль, что сами его участники не имели намерения сделать его более многочисленным, оставив в статусе «дружеского между собой чика», и широкой литературной, культурно-просветительской деятельности перед собой не ставили. Безусловно, общими для Дружеского литературного общества, Арзамаса, других литературных объединений начала XIX в. являлись понятия о дружбе и занятия литературой, под которой подразумевались как собственные опыты в поэзии и прозе, так и переводы произведений зарубежных авторов. Отступления некоторых его членов от литературных вопросов в сторону общественно-политических можно с определённой долей условности считать попытками расширить горизонт задач, поставленных перед обществом, выяснить его запросы, социальный заказ.

Список литературы

1. Истрин В. М. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. XXVIII. Август. С. 273–307.
2. Истрин В. М. Из документов братьев Тургеневых. Дружеское литературное общество 1801 г. (Дополнение) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1913. Ч. XLIV. Март. Отд. 1. С. 1–26.
3. Фомин А. А. А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров: Новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева // Русский библиофил. 1912. № 1. С. 7–39.
4. Орлов В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. 2-е изд. М. : Госиздат «Художественная литература», 1953. 544 с.
5. Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учёные записки Тартуского университета. 1958. Вып. 63. 200 с.
6. Баженова А. И. А. С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов : Сателлит, 2004. 394 с.
7. Спикина Е. Э. А. С. Кайсаров и Дружеское литературное общество // Альманах современной науки и образования. 2012. № 9 (64). С. 200–205.
8. Законы Дружеского литературного общества // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М. : Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1891. С. 1–15.

9. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Отдел рукописей (ИРЛИ РАН ОР). Ф. 309 (Тургеневы). №. 618.
10. Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. Изд. испр. и доп. М. : В университетской типографии, 1858. 122 с.
11. Лотман Ю. М. Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. 2001. С. 9–51.
12. Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М. : Типография Грачёва и К°, 1869. 299 с.
13. Зорин А. Л. У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // Новые безделки : сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро / сост. Е. О. Ларионова, А. Л. Осповат, И. С. Чистова. М. : Новое литературное обозрение, 1995–1996. С. 7–35.
14. Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / отв. ред. М. П. Алексеев. М. ; Л. : Наука, 1964. 624 с.
15. Макогоненко Г. П. Был ли карамзинский период в истории русской литературы? // Русская литература. 1960. № 4. С. 3–32.
16. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа» / отв. ред. С. А. Фомичёв. СПб. : Наука, 1994. 240 с.
17. Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 118. Июль. С. 550–621.
18. Николай Михайлович Карамзин. Шутливое описание его бракосочетания 1801 г., с примечаниями А. Д. Галахова // Русская старина. 1876. Т. XVII. Сентябрь. С. 176–181.
19. Морозов А. А. Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л. : Советский писатель, 1960. С. 5–90.
20. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Молодая гвардия, 1998. 382 с.
21. Мерзляков А. Ф. Утешение в печали // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. XVIII. № 35. С. 138–140.
22. Тургенев Ан. И в двадцать я уж лет довольно испытал... // Поэты 1790–1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана ; подгот. текста и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение. 1971. С. 239.
23. Кайсаров А. С. Моя надежда. Романс А. С. Кайсарова // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1818. Ч. IV. Кн. 2. С. 223–224.
24. ИРЛИ РАН ОР. Ф. 309. № 271.
25. Калашников М. В. «Арзамасцы» и Б. Франклун // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 5–16.
26. ИРЛИ РАН ОР. Ф. 309. № 50.
27. Мерзляков А. Ф. Стихотворения. 2-е изд. / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель, 1958. С. 229–230.
28. Жуковский В. А. Вечер. Элегия // Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг. / под ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 76–78.
29. Мерзляков А. Ф. Россияда. Поэма эпическая г[осподи]на Хераскова. Письмо // Амфирон. 1815. Январь. С. 32–98.
30. Гилльсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / отв. ред. М. П. Алексеев. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 441–504.
31. Дзядко Ф. В. Культурная программа А. Ф. Мерзлякова в контексте литературного движения 1800–1810-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
32. Данилевский Р. Ю. Вилланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы [сб. статей] / отв. ред. М. П. Алексеев. Л. : Наука, 1970. С. 298–379.
33. Фрайман Т. В. О некоторых творческих моделях в поэзии Жуковского: «долбинские стихотворения», «арзамасская галиматья», «павловские послания» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IV. Новая серия. 2001. С. 169–184.
34. Боровкова-Майкова М. С. Вводная статья к протоколам Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы / под ред., ввод. ст. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой ; предисл. Д. Д. Благого. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 21–37.
35. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М. : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 482 с.
36. Кунц Е. В. Дружеское литературное общество (проблема поиска русской национальной идентичности в начале XIX в.) // Вопросы истории. 2023. № 3, ч. 1. С. 4–13. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstori202303Statyi18>

Поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 23.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 23.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025